

Глава 11. Откровенность

—

Чуть позже Сун Фэнсуй отослал слуг, продезинфицировал серебряные иглы и остался один на один с Дуань Янем, чтобы провести процедуру.

Его правая рука, раненная осколком звериной кости, сейчас была перевязана целебными травами, но предплечье все еще сильно ныло. Пальцы, сжимавшие тонкую иглу, слегка подрагивали, и, закончив все приготовления, он никак не решался сделать первый укол.

Заметив это, Дуань Янь попытался его успокоить:

— Ничего страшного, коли. Даже если рука дрогнет — это всего лишь легкая боль, ерунда.

К тому же ему и самому не терпелось узнать, действительно ли он отравлен.

Услышав его слова, Сун Фэнсуй заставил себя сосредоточиться. Действуя с предельной осторожностью, он ввел первую длинную серебряную иглу в точку хэ-гу на тигриной пасти* Дуань Яня, вторую — в макушку, а третью — в ногу.

[*«Тигриная пасть» (虎口, hǔkǒu) — традиционное китайское анатомическое название мягкой развилки на кисти руки между большим и указательным пальцами. При широком разведении пальцев эта область напоминает раскрытую пасть хищника. Здесь расположена важная в акупунктуре точка Хэ-гу, отвечающая за снятие боли, жара и нормализацию циркуляции крови.]

Дуань Янь мысленно напрягся: «А ведь и правда больно».

Однако это была не обычная боль от укола, а странное, растекающееся по всему телу ощущение ломоты и онемения.

Сун Фэнсуй поначалу хотел определить состояние больного по выражению его лица, но мужчина держался с таким невозмутимым и безразличным видом, что юноша лишь мысленно махнул рукой: ну как можно заметить перемены на лице молодого и гордого мужчины, который изо всех сил пытается сохранить лицо?

Поэтому он лишь негромко произнес:

— Я ввел иглы в несколько ключевых точек. Если, когда я их вытащу, металл изменит цвет — значит, мои худшие опасения подтвердились. Если же иглы останутся чистыми, то с твоим телом все в порядке.

Дуань Янь коротко угукнул, оставаясь в неподвижности.

Ждать пришлось недолго. Буквально через несколько минут Сун Фэнсуй бережно извлек первую иглу из его ноги. И тут оба они увидели, как прежде ярко блестящее серебро, словно покрывшись какой-то нечистотой, приобрело грязно-серый, почти черный оттенок. Вслед за этим он вынул вторую и третью иглы — и на них проступил точно такой же налет...

Сун Фэнсуй с тяжелым чувством всматривался в потемневший металл, его дыхание стало совсем тихим:

— Серебро потемнело почти мгновенно... Похоже, этот яд копился в твоём теле не меньше года, а то и двух!

Дуань Янь мрачно смотрел на иглы, разложенные на белой ткани, на фоне которой их жуткий цвет казался особенно отчетливым.

Он едва слышно пробормотал:

— Значит... действительно яд.

«Уф... Ну, слава богу, это просто яд». Значит, все те странные, пугающие реакции тела были вызваны токсинами, а не какими-то порочными, грязными мыслями взрослого мужчины в адрес юного гэра. По крайней мере, он не извращенец, а раз так, то...

— Ты хоть понимаешь, в какой смертельной опасности находишься из-за этого яда? — прервал его мысли Сун Фэнсуй. — Стоит тебе выпить крепкого вина, сойтись с кем-то на ложе или даже просто пойти в кузницу и помахать тяжелым молотом — кровь прильет к голове сильнее обычного, и это мгновенно лишит тебя жизни!

Сун Фэнсуй еще до начала процедуры догадывался о результате, но он и подумать не мог, что состояние Дуань Яня окажется настолько критическим.

С таким количеством яда в крови этот мужчина вчера умудрился скакать под проливным дождем по опасным горным кручам и вернуться живым — настоящее чудо, не иначе!

От резких слов юноши легкомысленная радость в голове Дуань Яня мгновенно испарилась.

Благодаря диагнозу Сун Фэнсуя в его мыслях наконец выстроилась четкая цепочка. Раньше он никак не мог взять в толк, почему прежний хозяин этого тела так внезапно скончался, едва пригубив вина. Оказывается, смерть не была случайностью — его сгубил скопившийся в жилах яд.

Но самое страшное заключалось в другом: даже если бы в ту ночь кузнец не умер от чарки крепкого алкоголя, сюжет приготовил бы для него следующую ловушку, из которой живым не выбраться.

В ту злополучную ночь связанного Сун Фэнсуя бросили на его кровать. Случись между ними бурная близость — и исход для отравленного кузнеца был бы точно таким же. Вот только в таком случае Сун Фэнсую пришлось бы до конца дней нести на себе клеймо убийцы.

И тогда подручные покойного, у каждого из которых были свои грязные помыслы, под предлогом мести за названного брата подвергли бы беззащитного юношу самым жестоким издевательствам...

Дуань Янь прекрасно помнил, какие жуткие повороты сюжета любил закручивать автор этой книги. Очевидно, что тот не собирался оставлять Сун Фэнсуя в покое после бесчинств кузнеца, но мужчина и представить не мог, насколько кровавой и изощренной должна была стать эта драма по первоначальному замыслу.

На душе у него стало невыразимо тяжело. С одной стороны, его пробирал ужас от того, как хладнокровно и расчетливо Чэнь Ху избавлялся от своего названного брата. С другой — ему было искренне жаль это обреченное тело, в котором ему теперь приходилось жить. И больше всего щемило сердце от жалости к Сун Фэнсую, чья судьба в романе была столь трагичной.

Сун Фэнсуй, разумеется, не мог знать, о чем думает его молчаливый спутник. Видя, как побледнело лицо Дуань Яня, он решил, что мужчина просто потрясен страшным известием и не может прийти в себя.

Юноша вполне мог бы воспользоваться моментом, набить себе цену, сгустить краски и выбить для себя больше выгоды, пользуясь беспомощностью хозяина дома. Но глядя на Дуань Яня, он понимал, что у него просто язык не повернется плести против него интриги.

Поэтому он заговорил мягко и ободряюще:

— Ты только не падай духом. Твое состояние сейчас действительно опасное, но самое главное — мы вовремя обнаружили корень беды. С сегодняшнего дня ты должен быть предельно осторожен: сам проверяй все, что ешь и пьешь. Я буду каждый день ставить тебе иглы, чтобы выводить отравленную кровь. Принимай лекарства, забудь об узде, гневе и тяжелой работе в кузнице — и тогда беда обойдет тебя стороной. Со временем мы полностью очистим твое тело.

Слова Сун Фэнсуя заставили Дуань Яня отвлечься от мрачных мыслей о сюжете книги. В его глазах снова вспыхнул огонек надежды:

— Значит, меня еще можно вылечить?

— Если будешь беспрекословно слушать меня — то можно, — твердо ответил Сун Фэнсуй.

Дуань Янь мысленно выдохнул. Раз надежда есть — жить можно. А то получить второй шанс на жизнь и лишиться его всего через пару дней было бы верхом несправедливости.

Он посмотрел на Сун Фэнсуя. Юноша, несмотря на все пережитые невзгоды, вызвался лечить его и спасать от верной смерти. Этот живой, чуткий и чистый душой гэр по воле автора должен был сгинуть в пучине страданий — какая страшная, несправедливая судьба.

Если говорить начистоту, Дуань Яню очень не хотелось, чтобы Сун Фэнсуй повторил свой predetermined сюжетом путь.

Почему хитрые, злые и порочные люди в этом мире процветают, купаются в роскоши и берут власть, а чистая и благородная душа должна быть принесена в жертву, лишь бы показать всю трагичность и жестокость эпохи?

Взгляд Дуань Яня потяжелел, он погрузился в размышления. Раз уж судьба забросила его в это тело, то, быть может, он сумеет переписать предначертанное и спасти Сун Фэнсуя от грядущих несчастий?

В конце концов, городок Яньчжэнь — глухой, Богом забытый уголок на самой окраине. Даже когда в Поднебесной вспыхнет великая смута, война вряд ли докатится до этих мест.

Если они, два маленьких человека, будут тихо и мирно жить на своем клочке земли, не попытаюсь лезть в чужие распри и споры за престол, то, возможно, их скромное существование никак не повлияет на основную сюжетную линию. В оригинальном романе у второстепенных персонажей вроде них даже не было четко прописанных сюжетных арок — а значит, здесь открывался огромный простор для маневра.

— ...Дуань Янь?

Видя, что мужчина надолго замолчал, а на его лице сменяют друг друга странные эмоции, Сун

Фэнсуй негромко окликнул его:

— Я говорю это вовсе не для того, чтобы напугать тебя. Если ты мне не веришь, то можешь дожидаться возможности и съездить в уезд или столицу префектуры, чтобы показаться какому-нибудь знаменитому лекарю. Но если ты доверяешь моему слову, то не изводи себя страхом. Будешь делать все, как я скажу, — и все обойдется.

Дуань Янь очнулся от мыслей:

— С чего бы мне тебе не верить?

Разумеется, он не мог выложить юноше все свои думы о будущем, поэтому после короткой паузы мрачно добавил:

— Я просто подумал о том, что подсыпать такой коварный яд мог только тот, кто был ко мне ближе всех. От этой мысли у меня на душе паршиво.

У Сун Фэнсуя и самого в голове вертелось одно имя, но помня о том, какие узы связывали этого человека с Дуань Янем, он не решился высказывать подозрения вслух и лишь спросил:

— Дело и впрямь нешуточное. У тебя уже есть кто-то на примете?

При упоминании об этом Дуань Янь тяжело и отчетливо выплюнул два слова:

— Чэнь Ху.

Опираясь на воспоминания прежнего кузнеца, вычислить предателя было не так уж трудно. И дело было вовсе не в том, что Дуань Янь испытывал предвзятое отношение к Чэнь Ху и хотел свалить на него все беды. Даже если бы на его месте сейчас был сам кузнец, ему, как бы горько ни было, пришлось бы признать: кроме Чэнь Ху, травить его было некому.

Как уже упоминалось, прежний хозяин редко задерживался в этой усадьбе, проводя почти все время в кузнице. Там еду варили в одном большом общем котле, и все парни ели из одной чаши, но ни у кого из них не было и признаков отравления.

И лишь Чэнь Ху время от времени приносил названому брату отдельные блюда, якобы желая побаловать «старшего брата» вкусненьким.

В те моменты кузнец искренне радовался заботе своего верного помощника, ни на секунду не сомневаясь в его преданности. Не желая обижать друга, он всегда съедал все до последней крошки, радуясь, какие у них крепкие, нерушимые братские узы.

Сейчас, вспоминая об этом, Дуань Янь чувствовал, как по спине пробегает мороз.

Даже если не брать в расчет те отдельные угощения, именно Чэнь Ху крутился возле него чаще и дольше остальных. Ни у кого другого просто не было возможности на протяжении года незаметно подсыпать отраву в его рацион.

Взгляд Дуань Яня обледенел:

— И то, что он притащил тебя сюда без моего ведома... А в ту ночь еще и приволок откуда-то кучу крепкого вина, всюю подначивая меня выпить «за праздник».

Хотя Дуань Янь не переживал эти события лично, со стороны ему было прекрасно видно, как

Чэнь Ху, которого кузнец сам вытащил из грязи и сделал своей правой рукой, ослеп от жадности. Этот негодяй хладнокровно и расчетливо травил своего благодетеля, желая прибрать к рукам все его имущество и влияние — поистине ненасытная тварь.

Прежний кузнец, конечно, тоже был местным воротилой и далеко не праведником, но закончить жизнь, будучи преданным единственным человеком, которому верил — участь весьма незавидная.

Сун Фэнсуй на мгновение опешил. Он никак не ожидал, что Дуань Янь сразу назовет имя Чэнь Ху — значит, у этого мужчины все же осталась капля благоразумия.

Юноша не любил лезть в чужие дела, но вспомнив, как Дуань Янь позаботился о его семье и доставил припасы в заблокированную деревню, а потом, рискуя жизнью, привез ему лекарство, он не удержался от откровенности:

— Твой названный брат Чэнь Ху — и впрямь редкостный мерзавец. Когда он заявлялся сюда в прошлый раз, он вел себя так нагло, словно уже стал полноправным хозяином этого дома. А наедине со мной и вовсе хвастался, что очень скоро все здесь будет принадлежать ему одному.

— Поначалу я думал, что этот пьянчуга просто бахвалится и пускает пыль в глаза. Но теперь, когда мы знаем про яд, становится ясно: он был абсолютно уверен, что со дня на день ты испустишь дух, оттого и растерял всякий стыд. Твои подозрения бьют точно в цель.

Сун Фэнсуй пытливо взглянул на него:

— И что же ты собираешься делать теперь, когда все вскрылось?

Ранее, когда Чэнь Ху устроил погром, Дуань Янь на словах пообещал наказать его и заступиться за юношу. Говорил он тогда весьма убедительно, но кто знает, не было ли это обычной попыткой замять конфликт и угодить обеим сторонам?

Сун Фэнсуй понимал, что Дуань Янь не обязан ради него рвать узы многолетней дружбы, но он очень боялся, что даже зная об отраве, мужчина решит простить старого товарища из жалости к прошлому.

Дуань Янь понимал страхи юноши. Он не собирался скрывать от него ту грязь, в которой погрязла его лавка, и ответил прямо:

— Раньше я слепо верил Чэнь Ху и переложил на него почти все дела. За эти годы все кузнецы и подручные привыкли слушаться только его. Если я прямо сейчас пойду с ним на открытый конфликт и прогоню его, большинство парней из лавки просто уйдут вслед за ним.

— Именно поэтому мне так паршиво от мысли о его предательстве. Дело слишком запутанное. Будь на его месте кто-то другой, я бы вышвырнул подонка в тот же миг.

Услышав это, Сун Фэнсуй шевельнул бровями и задал очень точный, бьющий под дых вопрос:

— Ты переложил на него все дела... А сам-то ты чем все это время занимался, раз бездельничал?

Дуань Янь попытался отыскать ответ в памяти прежнего хозяина тела, но тот оказался настолько нелепым, что мужчина смутился. Он виновато покосился на Сун Фэнсуя и неловко кашлянул:

— В деревне, где я вырос, жил один гэр. Мы росли вместе, и прежний... то есть я, был в него безумно влюблен. Из кожи вон лез, чтобы угодить ему, все мысли были только о нем одном. Но потом этот гэр все равно вышел замуж за другого. Из-за этого я на долгое время впал в глубокую тоску, совсем опустил руки и забросил лавку. Вот делами никто и не занимался...

Заметив, как на лице Сун Фэнсуя прямо на глазах сменяются эмоции, Дуань Янь поспешно замолчал.

Да уж, прежний кузнец и впрямь был знатным дураком в делах сердечных. Направь он всю эту бурную энергию в правильное русло — глядишь, тот деревенский гэр и остался бы с ним, и до депрессии бы не дошло.

А когда он позже случайно встретил в деревне Лю Сун Фэнсуя, у него от редкой красоты юноши снова напрочь сорвало голову. Но памятуя о горьком опыте с первой любовью, кузнец сильно робел в делах чувств — смотреть на благородного юношу смотрел, а вот подойти близко не смел.

И его «верный названный брат» Чэнь Ху решил изящно воспользоваться этой слабостью, подстроив ловушку с Сун Фэнсуем, которая должна была стать для кузнеца смертельной.

— Эх, в общем, дело прошлое, — вздохнул Дуань Янь. — Теперь мне приходится разгребать это болото. Зато я получил хороший урок за свою былую лень и глупость.

Сун Фэнсуй слегка дернул уголком губ, смерив его косым взглядом:

— Надо же, как легко ты отпустил свое прошлое.

Дуань Яню показалось, будто юноша тихонько фыркнул, хотя причин для этого вроде бы не было.

Он попытался сгладить неловкость:

— Жизнь-то долгая, надо как-то жить дальше.

Сун Фэнсуй отбросил лишние мысли и внимательно посмотрел на сидящего перед ним Дуань Яня. Раньше, когда он видел, какая пропасть разделяет этого человека и его наглых подручных, в душе у него то и дело шевелилось сомнение: вдруг этот громила просто притворяется благородным человеком, чтобы втереться к нему в доверие?

И лишь после сегодняшнего откровенного разговора он окончательно понял, что Дуань Янь сам оказался жертвой коварства Чэнь Ху.

Сун Фэнсуй помолчал немного, а затем неторопливо заговорил:

— Те люди в кузнице изначально были твоими людьми. Но поскольку ты из-за своих личных терзаний бросил лавку на произвол судьбы и позволил Чэнь Ху заправлять всем, он воспользовался моментом и переманил их на свою сторону. Однако людей много, и не бывает так, чтобы абсолютно все были им довольны. Просто Чэнь Ху, пользуясь твоим доверием, забрал в руки власть и начал жестоко притеснять тех, кто отказывался ему кланяться. Со временем те парни, что когда-то были преданы тебе, лишились возможности подойти к хозяину, и ради куска хлеба им пришлось склонить головы перед Чэнь Ху.

— Если ты проявишь капельку терпения, начнешь втайне от Чэнь Ху налаживать связи с бывшими товарищами и говорить с ними с глазу на глаз, среди них обязательно найдутся те, кто вспомнит былую дружбу и снова встанет за твоей спиной. Вернув себе преданность хотя бы части людей, ты сделаешь свое положение куда более прочным.

Дуань Янь посерьезнел и согласно кивнул.

Он и сам размышлял в этом направлении. Пример с Гоу Сань-эром показал, что людей можно и нужно переманивать на свою сторону, просто он пока не знал, с какого бока подступиться к остальным кузнецам.

— Хоть мне и хочется как можно скорее раздавить этого гада, сейчас придется затаиться. Во-первых, нужно вывести яд и подлечить тело, а во-вторых — найти способ переманить людей на свою сторону.

Видя, что мужчина рассуждает здраво и не похож на непробиваемый чурбан, Сун Фэнсуй немного успокоился.

Случайно узнав сегодня такие подробности из личной жизни Дуань Яня, юноша поймал себя на мысли, что этот громила — в сущности, такой же несчастный и обманутый человек, как и он сам. Теперь, когда они оба открыли друг другу свои тайны и разделили тяготы, между ними словно растаял невидимый лед, и в сердце Сун Фэнсуя зародилось робкое тепло.

Он опустил глаза, пряча смущение, и тихо произнес:

— Раз уж ты так сильно помогаешь мне, то и я, конечно, буду на твоей стороне. Если мы продолжим быть честны друг с другом, то в будущем сможем стать надежной опорой друг для друга.

Услышав такие слова поддержки, Дуань Янь радостно вскинул брови.

Сун Фэнсуй лишился всего, его семья была разорена и сослана в эту глушь, где у него не было ни единой родной души. Сам Дуань Янь оказался предан близким человеком и окружен врагами со всех сторон. К тому же они оба были лишь беззащитными пешками в сюжете чужой книги, и у каждого хватало своих бед. Стань они врагами — это была бы катастрофа, но раз уж они решили довериться друг другу, это могло стать для них настоящим спасением в холодную зиму.

— Хорошо, — с улыбкой ответил Дуань Янь. — Отныне, если тебе что-то понадобится или случится какая беда — сразу говори мне, не таись.

—

<http://bllate.org/book/17884/1722723>